

Ирина Евгеньевна Прохорова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9, стр. 1*

✉ pro-hor-ie@mail.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1402-8-57-63

ТОПОС ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ РУБЕЖА 1850-х — 1860-х ГОДОВ

Телесные наказания как универсальная карательная, устрашающая и исправительно-воспитательная практика, широко распространенная в России и осмыслявшаяся в общемировом контексте, — один из топосов в отечественной периодике (понятно, не только в собственно журналистских жанрах), начиная со второй половины XVIII в. В риторике на тему применения физического («накожного», по выражению одного из публицистов середины XIX в.) насилия к провинившимся (по крайней мере, объявленных таковыми) выделяются три основных направления. Это доводы в пользу данного социокультурного явления (после законов 1785 и 1796 гг., по крайней мере, в отношении к медленно, но сокращавшемуся списку непривилегированных сословий и категорий населения), признание его как неизбежного, но лишь временно допустимого «зла» и, наконец, аргументация полного неприятия и немедленного начала законодательной отмены самого института телесных наказаний.

Инициированное правительством осенью 1857 г. гласное обсуждение готовящейся в России крестьянской реформы закономерно

подогрело в прессе дискуссии о «праве розог» (кстати, признанному легчайшим видом телесных наказаний — с 1845 г. им заменили кнут). Разумеется, в фокусе внимания участников обсуждения было физическое насилие (заметим, соотношение понятий «наказание» и «насилие» остается дискутируемым) над крепостными. Этот вопрос, благодаря остроумной рифме с гамлетовским, нередко обозначался как «бить или не бить». Вместе с тем обсуждение такого рода «отеческого надзора» за крестьянами в публикациях широко мыслящих авторов закономерно выходило на смежные проблемы — «палочной дисциплины» в армии и на флоте, а также педагогики «сокрушения ребер» подрастающего поколения. Последняя привлекала повышенное внимание, тем более что «объектами» такой педагогики оказывались уже независимо от социальной принадлежности. Здесь периодика также обыгрывала риторическую формулу шекспировского героя. Причем убежденному стороннику постепенной европеизации России Н. А. Мельгунову в заголовке своей статьи в газете «Наше время» 31 июля 1860 г. удалось эффектно столкнуть оба вопроса в билингвальной конструкции — «To be or not to be? Бить или не бить?», добившись соединения в нем функциональности, экспрессивности и способности заинтриговать аудиторию, заставить ее задуматься в смысл авторской языковой «игры».

Критика «розочной науки» в учебных заведениях, если речь шла не просто об отдельных злоупотреблениях, наталкивалась на еще большие преграды в условиях господствующих (не только среди сторонников «белого рабства») взглядов на воспитание и поддержание дисциплины среди детей. Апологеты «розочных наставлений» могли апеллировать к максима́м Домостроя, а главное — к Притчам Соломоновым (13:24, 23:13, 29:15). Это обстоятельство, очевидно, отразилось в колебаниях Н. И. Пирогова в оценках «сечения» учащихся, которые он посчитал нужным предать гласности в течение 1858–1859 гг. в разных форматах — в статье «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей?» в своем сборнике публицистики (Одесса, 1858)

и в киевском циркуляре, опубликованном в петербургском «Журнале для воспитания» А. А. Чумикова (1859, № 11). Непоследовательная позиция великого медика в дискутируемом вопросе позволила Н. А. Добролюбову язвительно назвать ее в статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» «нелепым» балансированием «на розгах» (Современник, 1860, № 1. С. 164). Несмотря на длинноты и некоторую привязчивость при разборе и отклонении аргументов Пирогова, выступление Добролюбова по праву вызвало широкий резонанс в обществе, а заодно (уже вопреки целям полемиста) популяризировало отдельные верно указанные критикуемой стороной доводы в пользу постепенного отказа от «сечения» в учебных заведениях.

В журналистскую полемику «pro et contra» телесных наказаний крестьян, особенно крепостных (после Манифеста 19 февраля 1861 г. — «временнообязанных»), ожидаемо включились практически все политические силы: патриархально-консервативные, умеренно-либеральные и революционно-демократические, славянофилы и западники, представители «либеральной бюрократии». Симптоматично создание в 1858 г. А. Д. Желтухиным специального «Журнала землевладельцев» с целью максимально отразить широкий спектр мнений помещиков-практиков ради выработки приемлемой для всего сословия позиции по основным аспектам взаимоотношений с крестьянами, включая карательные и исправительно-воспитательные меры в их адрес. Причем издатель и основной «вкладчик» журнала в первом номере утверждал возможность действовать при рационализации сельскохозяйственного производства без насилия, ссылаясь на собственный опыт [Терентьев, 2012. С. 1035]. Но в целом в тематическом репертуаре «Журнала землевладельцев» телесные наказания оставались, по сути, на периферии, и консенсуса в этом вопросе за два с небольшим года издания авторам достичь не удалось.

Среди наиболее активных и эмоциональных борцов против физических экзекуций в России — исповедовавшие демократические ценности политические эмигранты во главе с А. И. Герценом. 1 июля

1857 г. в дебютном номере «Колокола» на первой странице среди ключевых целей газеты он провозгласил «Освобождение податного состояния от побоев!», подчеркнув неизменность этого программного требования со времени организации им альманаха «Полярная звезда» в 1855 г. Для риторики Герцена с характерной для него апелляцией одновременно к логосу, пафосу и этосу весьма показательным самоопределением публициста, появившееся на страницах «Колокола» уже 1 ноября 1857 г.: «Мы крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиком» (Л. 5. С. 38).

Конечно, отдельные авторы, как и органы печати, включались в рассматриваемую полемику с разной степенью оперативности, длительности участия и готовности к глубоким аналитическим разборам вопроса в многообразии его политико-экономических, социокультурных, религиозно-философских аспектов. Это зависело от ряда факторов. Например, части журналистов значимость отмены архаичной антигуманной практики в России поначалу могла казаться самоочевидной, не требующей ни специальных усилий, ни тем более воспроизведения общеизвестных силлогизмов и тиражирования страшных картин «битья». К другим, напротив, со временем могла приходиться усталость от необходимости повторов. На различия в стратегиях разных авторов и изданий влияло и их отношение к давлению цензуры, которое усилилось с 1858 г. Некоторые издания постепенно теряли подписчиков и прекращались.

Иногда даже качественная демократическая печать обрушивала негодование не столько на само «право розог» и не прекращавшиеся попытки оппонентов обосновать его сохранение, сколько на вопиющие злоупотребления при его реализации. Подобные акценты выявляются, например, при анализе материалов «Библиографии журнальных статей по вопросу об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», которую в 1858–1860 гг. в «Современнике» вели Е. П. Карнович, Ф. Н. Ненарокомов, Н. Г. Чернышевский, П. С. Шульц (атрибуция конкретных публикаций остается под вопросом [Боград, 1959]).

Так, в ноябрьском номере «Современника» 1858 г. в этой рубрике анонимный автор критиковал «дельную» в целом статью Г. Ф. Петрово-Соловово, перепечатанную в июле этого года «Сельским благоустройством» из «Одесского вестника», именно за размышления о перспективах применения телесных наказаний после отмены крепостного права. Они были восприняты как «странная» для народолюбивого славянофильского органа поддержка произвола помещиков, которая позволяла им квалифицировать «преступления» поселян (от личного «неуважения» к барину до нерадения на барщине), пренебрегая «мирским или приходским судом» [Чернышевский, 1950. С. 839–840]. Столь же острое неприятие «Современника» вызвало и предложение авторитетного славянофила-либерала В. А. Черкасского в нашумевшей статье «Некоторые черты будущего сельского управления» в сентябрьском номере того же «Сельского благоустройства» — передать «участковому старосте права произвольного телесного наказания» крестьян, но с четко оговоренным числом ударов [Чернышевский, 1850. С. 851]. Возможно, автором данных разборов в «Современнике» был П. С. Шульц, а не Чернышевский [Боград, 1959. С. 348], но все равно они едва ли печатались без его ведома.

Насколько сложно развивалась рефлексия на рассматриваемую тему многих участников печатных дискуссий, свидетельствует то, что сам Черкасский, получив множество негативных откликов на цитированные выше строки, посчитал важным признать их ошибочность уже в ноябрьской книжке «Сельского благоустройства» (с. 84–87). А издатель журнала А. И. Кошелев в примечании к его «Объяснению» одобрил такую готовность публициста «дорожить истиной», вставая выше «ложного стыда» самокритики (Там же. С. 84).

Однако и после прекращения «Сельского благоустройства» в апреле 1859 г. Добролюбов в упомянутой выше «антирозочной» статье, готовившейся в конце 1859 г., вернулся к критике колебаний Черкасского. Правда, автор «Современника» использовал этот «кейс» и для небезосновательного выпада против М. Н. Каткова с его

критикой Черкасского в «Русском вестнике», несмотря на то, что сам катковский журнал тогда довольно последовательно отстаивал «удобство» временного сохранения телесных наказаний.

В месяц прекращения «Сельского благоустройства» вышел очередной номер «Колокола», в котором один из «ветеранов» борьбы с крепостничеством (выражение Герцена) Н.И. Тургенев в анонимном письме в редакцию (атрибуция [Тарасова, 1963]) нашел вполне адекватное объяснение «узаконению розог» в издании Кошелева — «умственная aberrация» (Колокол, л. 40–41, с. 336). «Розгомания и палкомания», по Тургеневу, это «болезнь», свойственная не только славянофилам и вообще не только россиянам, но в России усугубленная историческим опытом «Татарского кнута», пришедшего с ордынским игом (Там же). Противодействие этой «болезни» публицист считал первоочередной задачей прессы и после 19 февраля 1861 г.

Всего через несколько недель после объявления Манифеста Тургенев указал на недопустимое, с его точки зрения, «упущение» в правительственных документах, которые лишали «права розог» помещиков, но не «волостной суд» [Оксман, 1955. С. 586–588]. В 1862 г. в двух июньских номерах «Колокола» увидела свет его (атрибуция [Тарасова, 1963]) содержательная статья «Филарет и розги» (Л. 135. С. 1120–1121; Л. 136. С. 1127–1129). В ней продолжался диалог с издателем «Колокола», но теперь исключительно в тоне поддержки недавней публикации Герцена «Г-н Орлов и Филарет митрополит» (Л. 130. С. 1078–1081). Заголовок «Филарет и розги» лаконично информировал о принципиальной для Тургенева социальной и нравственной проблеме — отношении русской православной церкви к институту телесных наказаний «здесь и сейчас», ведь московский митрополит Филарет в те годы — один из самых авторитетных церковных иерархов и духовных публицистов в стране.

И. Е. Прохорова

Оставаясь до сих пор не переизданным и практически не проанализированным, это выступление Н. И. Тургенева заслуживает особого внимания в рамках представляемого доклада. Ведь в нем в той или иной мере отразились все основные аспекты темы телесных наказаний, какими они виделись журналистике рубежа 1850-х — 1860-х гг.

Литература

Боград В. Э. Журнал «Современник»: 1847–1866: Указ. содерж. М.; Л. : ГИХЛ, 1959. 827 с.

Оксман Ю. Г. Н. И. Тургенев — Герцену // Лит. наследство. 1955. Т. 62. С. 583–590.

Тарасова В. М. Декабрист Тургенев — сотрудник «Колокола» // Проблемы изучения Герцена. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–250.

Терентьев В. В. Пензенский предтеча российских реформ // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1033–1038.

Чернышевский Н. Г. Dubia // Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.: В 15 т. М. : ГИХЛ, 1950. Т. 5. С. 804–918. С. 839–840.